

ОБ АНИЧКОВЕ И. Е. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

АНИЧКОВ Игорь Евгеньевич, родился в 1891 в Боровичском уезде Новгородской губ. (отец, Аничков Евгений, профессор, известный член партии кадетов; мать Аничкова Анна Митрофановна). Получил высшее военное образование. До революции гвардейский офицер русской императорской армии. В 1920-е — проживал в Ленинграде, преподавал в Фонетическом институте, научный сотрудник ИЛЯЗВ при Ленинградском государственном университете. Участник "кружка Тайалина" и "Содружества 5-ти". 21 февраля 1928 — арестован по групповому делу "Братства Преподобного Серафима Саровского". 8 октября 1928 — приговорен к 5 годам концлагеря и отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения¹, работал там сторожем, затем переведен в Белбалтлаг, работал экспедитором пароходов в Чупе на Белом море.

В декабре 1929 — к Е. П. Пешковой обратилась за помощью его мать, Анна Митрофановна Евреинова.

<16 декабря 1929>

«Ленинград,
Наб<ережная> Жореса, 32, кв. 4
16 – XII – 29.

Многоуважаемая Екатерина Павловна

Очень прошу Вас передать по назначению приложенное заявление (я посылаю 2 экз<емпляра>). Хочу в январе навестить сына И. Е. Аничкова, находящегося, насколько мне известно, на Поповом острове. У меня уже больше месяца нет от него известий, и очень за него сердце болит. В последнем письме он мне сообщал, что у него украли часть теплых вещей. Ходят слухи, что всю 2-ю категорию, к которой принадлежит мой сын, переправят в другое место. Я бы очень хотела успеть проститься с ним и снабдить его необходимым, но по службе в Фон<етической> школе я освобожусь только во второй половине января.

Очень надеюсь, что с разрешением не будет задержки.

Заранее благодарю Вас и прошу Вас принять уверение в моем полном уважении.

А. Аничкова

О дочери моей Е. Е. Евреиновой (рожд<енной> Аничковой), высланной в Киренский район, и срок которой в марте 1930-го года, я Вам писала 14 с<его> м<есяца>»².

В июне 1929 — Помполит ходатайствовал о досрочном освобождении или замене лагеря ссылкой на оставшийся срок. В сентябре 1929 — Анна Митрофановна Аничкова вновь просила помощи Е. П. Пешковой.

<9 сентября 1930>

«Ленинград

¹ «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004. И. Флиге, А. Даниэль. "Дело А. А. Мейера". СПб.: "Звезда", 2006. С. 175.

² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 336. С. 128. Автограф.

Наб<ережная> Жореса, 32, кв. 4
9 – IX – 30.

Многоуважаемая Екатерина Павловна

Я недавно вернулась из Чупы (на Белом море), где имела очень радостное свидание с сыном. Ему не полностью зачтено предварительное заключение. Очень прошу Вас посодействовать к тому, чтобы заключение было зачтено полностью, так как эта подробность, — два месяца, — в данном случае имеет значение. При зачете окажется, что он уже отбыл пол<овину> срока.

Простите, что беспокою Вас и примите выражение моей глубокой благодарности за то, что Вы уже сделали для меня.

С совершенным уважением
А. Аничкова»³.

Через двадцать дней Анна Митрофановна Аничкова, в отсутствие Е. П. Пешковой, просит срочной помощи у Льва Михайловича ...

<29 сентября 1930>

«Ленинград,
Наб<ережная> Жореса, 32, кв. 4
29 – IX – 30.

Многоуважаемый Лев Михайлович

До моего сведения дошло, что на днях в Соловец<кий> концлагерь едет под председательством тов<арища> Бердичевского комиссия по разгрузке лагерей. Мой сын Игорь Евгеньевич Аничков имеет 2 кат<егорию> по здоровью; он отбыл половину срока заключения, занимает в Чупа-Пристань ответственную должность экспедитора пароходов. М<>б<>, ввиду его здоровья (порок сердца), исправной работы и безупречного поведения, его сочтут достойным досрочного освобождения. Препровождаю Вам мое заявление и прошу Вас, если у Вас нет оснований считать его неуместным, препроводить его по назначению и посодействовать тому, чтобы на него обратили внимание.

С совершенным уважением к Вам

А. М. Аничкова.

Я слыхала, что Екатерина Павловна отсутствует, и потому беспокою Вас»⁴.

31 января 1931 — Игорь Евгеньевич Аничков был освобожден из лагеря с высылкой в Северный край на оставшийся срок. Отправлен в Сыктывкар⁵. 22 февраля 1933 — освобожден как инвалид, поселился в Вельске. 9 апреля вновь арестован и заключен в Вологодскую тюрьму, а 26 июля отправлен в Сыктывкар.

В августе 1933 — к Е. П. Пешковой вновь обратилась за помощью Анна Митрофановна Аничкова.

<23 августа 1933>

³ ГАРФ. ф. 8409. Оп. 1. Д. 528. С. 141. Автограф.

⁴ ГАРФ. ф. 8409. Оп. 1. Д. 528. С. 138. Автограф.

⁵ «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.

Многоуважаемая Екатерина Павловна, я не могла поехать к сыну в Вологду, как Вы мне посоветовали, т<ак> к<ак> 26 июля его отправили в Сыктывкар (бывш<ий> Усть-Сысольск). Ему никакого приговора не объявили, и он не знает, наверное, приговорен ли он к чему-нибудь. Начальник Вельского ГПУ и старший следователь ему обещали освобождение. Мой сын думает, что он отправлен в Сыктывкар в порядке постепенной разгрузки Вологодского Домзака. Прибыл он в Сыктывкар 2-го авг<уста> и должен был 14 дней содержаться в карантине. Отправили его без денег, хотя деньги у него были, но их ему не выдали. Часть вещей у него дорогой украли. Чтобы послать мне телеграмму и затем два письма, он продал свое пальто. Телеграмма не дошла, то, что я Вам пишу, я узнала из его писем. Итак, он заброшен в далеком краю, без копейки денег. Я только 16 авг<уста>, по получению его письма, перевела ему денег по телеграфу и послала ему телеграмму с уплаченным ответом. Ответа не получила, очень может быть, что моя телеграмма к нему не дошла также, как и его ко мне. Что будет с деньгами, не знаю. Теперь я ему усиленно посылаю посылки, их можно отправлять только до закрытия навигации, а сколько времени они будут в пути, я понятия не имею. Край — совершенно голодный. Я забыла упомянуть в моем разговоре с Вами, что мой сын инвалид 2 кат<егории>, у него порок сердца, и к физической работе он не способен. Теперь я Вам сообщаю голые факты, сын мой ни на что не жалуется, говорит, что настроение его бодрое, а как он живет без денег и без пищи, трудно себе представить. Уже в Вельске мне писали, что он более похож на тень, чем на человека.

Если мне удастся получить разрешение на отправку его за границу, а это дело даже при самом благополучном обороте затяжное, т<ак> к<ак> переписку с Америкой нельзя производить в срочном порядке, то нельзя ли моего сына (Игоря Евгеньевича Аничкова) переправить в какое-нибудь менее недоступное место, где я могла бы его легче прокормить, и где он бы, может быть, получил бы какую-нибудь работу? Он хочет написать заявление прокурору Акулову, приложить отзывы Марра и Ольденбурга о его работе, может быть, это поможет. Как насчет заявления о выдаче заграничного паспорта, писать ли мне ему об этом или это можно было только сделать лично?

Говорят, что согласно постановлению от 27 апр<еля> разрешается брать нетрудоспособных физически высланных на поруки и на иждивение, и что бумагу о согласии на то следует отправить высланному для предъявления и ходатайства по местонахождению. Так ли это? И могу ли я это сделать? Научите меня.

Примите уверения в моем искреннем уважении и благодарности за теплое участие, которое Вы, я чувствую, имеете ко мне.

А. Аничкова»⁶.

В 1938 — после ходатайства академиков Н. Я. Марра и С. Ф. Ольденбурга был освобожден, вернулся в Ленинград⁷. Преподавал в Ленинградском государственном университете, стал доктором наук, в 1953 — профессором Ленинградского педагогического института. Тайно исповедовался у иеромонаха Тихона (Зорина). В 1978 — скончался.

⁶ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 889. С. 6-7. Автограф.

⁷ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1: Д. 1187. С. 27; Д. 1446. С. 169.